

The background of the cover is a black and white aerial photograph of a large, multi-story building complex, likely a military installation or government facility, situated on a hillside overlooking a large body of water. The buildings are arranged in a somewhat U-shape, with a central courtyard area. The foreground shows some vegetation and a road leading towards the buildings.

Альберт Горошко

Русский остров

18+

Альберт Григорьевич Горошко

Русский остров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50583605

SelfPub; 2025

Аннотация

Незаметная точка на карте – Русский остров. Здесь сфокусировались маленькие проблемы огромной страны, в спектре которых лицом к лицу встретились и пытались выжить люди разных возрастов и национальностей, званий и должностей, задача которых была совсем другая – служить Родине.

Альберт Горошко

Русский остров

Вместо предисловия.

Тихоокеанский голодомор.

Зимой 1992–1993 гг. в частях Тихоокеанского флота на острове Русский от голода умерли четверо новобранцев – Станислав Стаценко, Андрей Иванов, Андрей Данилов и Александр Трофименко. Более 250 матросов попали в госпиталь с диагнозом «алиментарная дистрофия». С проверками на Русском побывали и министр обороны Павел Грачев, и главком ВМФ Феликс Громов. Командующий ТОФ адмирал Геннадий Хватов был снят с должности. Главная военная прокуратура возбудила уголовное дело, расследование проводилось до 1998 года. Но реальное наказание понес фактически лишь начальник продовольственного склада радиотехнической школы ТОФ (трое из умерших моряков были ее курсантами) старший мичман Вытрищак, у которого дома обнаружили похищенные со склада продукты. Он был осужден на 5 лет лишения свободы. Еще двое, командир военно-морской школы младших специалистов капитан 1 ранга Ростовкин и капитан 3 ранга Крапивин, отделались штра-

фами.

1

Над Железнодорожным темнело вечернее небо. В домах за бетонным забором оживали окна. Их уютный желтый свет манил меня, манил безнадежно, безответно. Сегодня утром я покинул отчий дом, и смотреть на чужие кухни и комнаты было тоскливо и больно. Душный июльский воздух медленно остывал, со стороны столовки тянуло запахом недавнего ужина, к которому почти никто не притронулся после сытых и пьяных проводов. Сумки еще бугрились мамкиными гостинцами.

Побродив немного, я отправился в “физкультурный зал” – помещение для новобранцев, половина которого была сплошь заставлена крашеными деревянными нарами, где кучками сидели бритые пацаны, впрочем, некоторым удалось сохранить гражданские прически. Травили анекдоты, бухали, ели. Кто-то даже спал, хотя трудно было заснуть в обстановке всеобщего возбуждения, характерного для людей, находящихся перед чем-то неизвестным, но неотвратимым, как землетрясение, первые легкие толчки которого заставляют метаться животных и рыб в поисках убежища. О, если бы мы знали тогда, что именно сон станет одним из важнейших и желанных способов оказаться в стороне от суровой реальности!

Условия лотереи были просты – те, кто выхватит счастливый билет, будут служить всего два года. Остальным – три. Тысяча девяносто шесть дней, считая один день високосного года. Срок казался фантастическим. Сейчас нам по восемнадцать. Вернемся мы, когда нам будет двадцать один. Уже стариками! Три года, тридцать шесть месяцев, сто пятьдесят семь недель! Часы, минуты и секунды были тоже подсчитаны и внесены в записные книжки. Моя записная книжка – ”Спутник Москвича” – содержала множество теперь уже ненужной информации – телефоны учреждений, магазинов, схему метро, карту Московской области. Сюда, на первую страницу, я вклеил адрес любимой девушки, написанный ею собственноручно. Красивый почерк! Город, улица, дом, инициалы... Я с грустью смотрел на этот крошечный листок. Наше последнее свидание было позавчера. Она обещала ждать. Мы целовались в ее комнате до самой поздней электрички, на которую я уже бежал, оставив свою любимую на полпути к станции. Белая витая веревочка, подвязывавшая ее тяжелую пшеничную косу, осталась у меня в руке. Я обмотал ее как браслет на запястье. Я посмотрел на нее, потрогал ее завитки. Горечь разлуки снова наполнила меня, как тогда, в пустой электричке, мчавшей меня в Москву.

Дождешься ли ты меня, любимая?

Еще в моей книжке было записано несколько адресов друзей и родственников.

Половина ее была отведена под ежедневник. Я решил за-

писывать сюда что-нибудь интересное, вести что-то вроде бортового журнала.

Когда за окнами совсем стемнело, в зал зашли офицеры-морпехи, поджарые, долговязые, в черных беретах набекрень. Все сразу оживились, поскольку морпехи – это два года! Каждому казалось, что именно его сейчас заметят, вызовут по списку и заберут с собой. Хоть куда, на Чукотку, на Камчатку, но на два года!

Черные офицеры с красными полосками на погонах постояли, качаясь на своих тонких кривых ногах в “гадах”, поговорили друг с другом, почти не глядя на нас, и ушли. Мы даже не видели потом, ”купили” они кого-нибудь или нет.

Нам объявили отбой, сказав, что завтра в 6.00 поедем в аэропорт.

На наших деревянных топчанах невозможно было заснуть, к тому же гвалт стоял такой, что не было слышно соседа. Анекдоты больше удавалось рассказывать жестами, повторяя по несколько раз начало или конец. Я припомнил что-нибудь из своих любимых, рассказывал, смеялся сам над ними и наблюдал, довольный, как смеялись другие. Люди были разные – бритые и волосатые, толстые и худые, совсем еще мальчишки и усатые мужики. Некоторые строили из себя блатных, другие тихо сидели, разглядывая самых активных наивными глазами. В одном углу завязался спор – там играли в буру на деньги, который быстро перерос в драку. Раздалось несколько звонких шлепков, и дерущихся раз-

няли. У одного из них был разбит нос, второй сплевывал кровь...

Еще неделю назад я веселился на даче с однокурсниками, и вот я здесь, в этом непонятном, нелепом, но таком реальном месте! От дома меня отделяло несколько часов и несколько десятков километров, но это время и расстояние вот-вот должно было взорваться до космических масштабов!

Утром на построении мы узнали, что из расположения пропали двое...

2

Аэропорт Домодедово встретил нас балетом серебристо-белых фюзеляжей, свистом авиационных двигателей и духотой зала ожидания. Вопреки правилам летной безопасности, мы погрузились в салон вместе с нашими огромными сумками, квалифицированными как ручная кладь. Ни о какой проверке на наличие колюще-режущих предметов не шло речи, да и кому из новобранцев взбрело бы в голову тогда захватить экипаж и направить самолет в родную деревню? Мы думали не об этом.

Мысленно каждый еще находился на проводах, за домашним столом, обнимал подругу, жал руки друзьям и родственникам, прижимался лицом к мокрой от слез щеке матери. Старшие мужчины давали напутствия, проверяли накачанность мышц, вспоминали каждый свою службу в армии, на-

ливали, выпивали с тобой. Друзья веселились, обещали приехать всей толпой, если что. Мама, бабушка, сестра, тетки подсаживались, обнимали, плакали, совали закусить очередную куриную ножку.

– Не поддавайся клопам! – повторял отец в сотый раз, но в глазах его читалось не ободрение, а беспокойство...

Я, глядя в мутный иллюминатор, зарисовал в записную книжку первую картинку – здание аэропорта в окружении самолетов. Но вот все поехало назад, мы набрали скорость и оторвались от земли. Я не летал пятнадцать лет, и все мне было в диковинку – взлет, набор высоты, упавшее вдруг вниз правое крыло и огромная панорама земли – леса, дороги, дома – прощай, родная сторона!

Самолет выровнялся и поднялся над облаками, унося нас навстречу времени – по одному часовому поясу за час полета.

Слева от меня сидел Дима Воронин, Ворона – будущий учитель из Пушкино, которого, как и меня, выдернули со студенческой скамьи и отправили неведомо куда. Действительно, мы знали только, что летим во Владивосток. Что дальше – оставалось военной тайной.

Ворона был тихий худой парень, молчавший весь полет. Мы обменялись парой фраз, и он уткнулся в книгу. Эрих Мария Ремарк, "Три товарища".

– О чем? – спросил я?

– О войне, – ответил Ворона и замолчал снова.

К нам подошел долговязый парень с волосатой родинкой на лбу. Он просто взял из рук моего соседа книжку, посмотрел и сунул обратно.

– Трешь товарища? – спросил он и захохотал. Ворона покраснел, но ничего не ответил.

Я смотрел на долговязого наглеца. Он был явно не в себе от количества алкогольных паров.

– Что смотришь, кепка? – проворчал он и потянулся ко мне, но в этот момент самолет перелег на другое крыло, и длинный полетел на другой ряд. Там его подхватили дружки и усадили на место. Я подавил в себе волну адреналина и стал смотреть в окно на горы облаков далеко под нами. Тень самолета металась по их рельефу, как неутомимый зверь.

В салоне тем временем царило веселье. Ребята вставали, ходили в проходах, кучковались там, где появлялось спиртное. Стюардессы разносили обед. Еда в небе – вареный рис с курицей и газировка – пришлась всем по душе, ведь уже сутки мы не ели горячего. Мы летели навстречу солнцу, пролетая часовые пояса с запада на восток. Очень быстро наступивший день перешел в вечер. Внизу плавно текли бесконечные горные хребты, мы, казалось мне, пролетали где-то над незнакомой планетой. Я очень надеялся рассмотреть Байкал, но хребты так и не кончались, пока совсем не стемнело.

Под утро мы приземлились и пересели на электричку, которая еще в темноте доставила нас в Экипаж. В кустах и траве по обочинам дороги светились огоньки – это были светлячки. Мы остановились у каких-то ворот без вывески и продолжали рассказывать анекдоты. Казалось, что их источник не иссякнет до конца дней. Утренний холод или волнение заставляли меня дрожать, и я говорил нарочито громко, подавляя в себе непонятный страх. Строем нас привели в огромную палатку-шатер, где мы добили наши съестные припасы. Я умудрился съесть на пару с Вороной палку сырокопченной колбасы, которая под конец просто обжигала рот, и даже длинный свежий огурец не мог потушить разгоревшийся во рту пожар. Все предлагали друг другу консервы, печенья, курицу, шоколад и, в свою очередь отказывались от угощения, давась собственными запасами. Продукты надо было съесть, ибо знающие люди говорили, что на месте все аннулируют.

Рассвело, нас построили в четыре колонны и повели в Экипаж. На подходе нам попадались группы морячков, которые в ногу шагали за своими командирами, оборачивались, махали руками, спрашивали, откуда мы и куда. В наших рядах появилось и стало множиться таинственное и гордое словосочетание "Русский Остров". Говорили, что всех нас отправят туда в учебку. Учебка. Что это? В любом случае, это должно быть хорошо, ведь учиться – это не бегать в противогазе марш-броски и не топтать плац.

– Куда вас? – крикнул в очередной раз встречный матросик.

– На Русский! – бодро отозвалось несколько голосов.

– Вешайтесь! – сказал матрос и провел большим пальцем вдоль шеи, щелкнув под левым ухом. В ответ мы промолчали, поняв его слова и жест как сами собою разумеющиеся вещи – нам дают понять, что мы салаги.

В Экипаже нас поселили в одной из казарм, где стояли трехъярусные кровати – шконки. Самым неудобным казался средний ярус. Во-первых, он был очень тесный по высоте – чуть более полуметра, во-вторых, верхняя сетка свисала под тяжестью лежащего этаким пузырем, делая пролет еще ниже. Я выбрал верхний ярус. Сумки с вещами и остатками еды мы оставили в казарме, и нас повели в столовую на завтрак.

Есть снова никто не стал, да и есть такое не хотелось. Я попробовал кашу и не смог определить ее природу. Кто-то назвал ее сечкой. Среди вареной водянистой крошки бледного цвета плавало несколько кусков свиного жира.

Вернувшись в казарму, все обнаружили сумки выпотрошенными, причем я свою сначала вообще не нашел, но потом увидел летающей по рукам матросов. Моя, родная сумочка! Пустая и поруганная! Прощай, кусочек гражданки, кусочек дома, прощай навсегда! Мои вещи лежали на шконке Вороны вместе с его скарбом, все, кроме мясных продуктов – ни колбасы, ни котлет, ни жареных кур уже ни у кого не осталось.

На следующий день была медкомиссия, последний розыгрыш лотереи, где многие надеялись на удачу, немногие попытались “откосить”, предъявляя переодетым во врачей офицерам те или иные доводы в пользу списания или хотя бы сокращения срока до двух лет. Все было напрасно. Зайдя в кабинет, я тоже пытался что-то вспомнить про хронический бронхит и плохой слух. Военврач посмотрел на меня поверх очков.

– Что вы говорите? – спросил он тихо.

– Бронхит у меня хронический, товарищ врач. И слышу плохо, – повторил я погромче.

– Ты же не в акустики пойдешь, а в баталеры, товарищ Гаранин Андрей. Следующий!

Мне определили три года и объявили место прохождения учебы – школа баталеров на Русском острове. Мысленно я попрощался с институтом и вообще со всем. Три года! Три года! Три года! Эта формула повторялась нами, как заклинание. Или как приговор. Что такое баталеры – я пока не знал. Ну что ж, есть повод для первого письма – стал известен мой срок. Ворона попал со мной в список. Мы обсудили эту новость и наши перспективы и побрели к своим товарищам. Кто-то уже собирался в дорогу, раздавая остатки еды. Некоторых миновала учебка, и ждала сразу боевая часть, но

группа из тридцати-сорока человек из нашего призыва готовилась к путешествию на остров. Мы доедали консервы и печенья, уже не угощая друг друга тающими на глазах запасами, большую часть которых втихую расхватывали “деды”. Хотя с нами никто не вступал ни в какие неуставные взаимоотношения, но бесцеремонность тех, кто в форме, уже чувствовалась. На нас бросали высокомерные взгляды, поддевали выкриками и жестами. Мы старались не обращать внимания, держались вместе.

В Экипаже было скучно. Он располагался на узкой территории на склоне одной из приморских сопки. Его одноэтажные постройки, выкрашенные побелкой, были настолько стары, что казалось, их посещал еще сам адмирал Макаров в Русско-Японскую войну.

Флотская столовая, или камбуз, своими огромными воротами напоминала ангар для легких самолетов. Здесь перемешались запахи еды и помоев. По камбузу сновали коки в белых колпаках с огромными ножами в руках, алюминиевыми кастрюлями и буханками белого хлеба.

Меня с Вороной определили в наряд по кухне, и нам пришлось полтора часа отмывать огромный разделочный стол водой с хозяйственным мылом. Мы взялись за дело основательно, как будто от чистоты этого стола зависело наше будущее. Вокруг нас слонялись другие призывники, не столь сознательные. На все попытки коков добиться мытья посуды или полов, они отвечали однозначным отказом в виде посы-

ла куда подальше. Мы драили стол тщательно, с любовью, растягивая процесс, так как считали доставшуюся нам работу не очень пыльной. Один из коков подошел к нам и спросил:

– Але, салажня, вы откуда?

– Из Подмосковья, – ответил Ворона.

– А, москали!

Кок, потеряв нос краем рукава, склонился над столешницей. Хмыкнув, он провел пальцем по металлической поверхности.

– Хорош драить, скрипит уже! Молодцы! Пошли со мной.

Он провел нас внутрь варочного зала, где на кафельном полу стояли три огромных котла, два совсем большие и один поменьше. В котле поменьше были остатки компота. Из первого большого котла торчало древко исполинского половника.

– Так, вот ведра, нужно вычерпать котел и отнести помой вон в тот бак, – и кок показал на контейнер на улице, рядом с бетонным забором.

– И компот?

– И компот.

Кок вышел во двор, а мы кинулись к малому котлу вылавливать остатки вареных сухофруктов. Не дав до конца выполнить эту вкусную работу, нас позвал парень из нашей команды на построение – мы отправлялись в учебку уже через полчаса.

Морской порт Владивостока украшал огромный авианесущий крейсер “Минск”, серо-голубые бока которого свисали сверху на нас, проходивших по краю причала. Корабль! Море! Романтика! Крейсер остался позади, нас ждал паром до Русского. Погода сменилась с солнечной на облачную и ветреную, когда я сидел на скамейке на верхней палубе, ветер пытался сорвать с моей колючей головы кепку, заворачивал полы и воротники плащей пассажиров. С моря тянуло холодом, туман скрывал другой берег.

Крепкий краснолицый новобранец Хома, ежась, жевал бутерброд. Его непокрытая голова серебрилась редкой порослью. За три дня, прошедших после бритья, наши головы стали походить на наждачную бумагу. Микки-Маусы, подумал я, глядя на одинаково круглые головы со смешными клинышками и линиями роста волос на лбу и вокруг ушей, обрамлявшими лица моих товарищей. Себя со стороны я все еще представлял волосатым.

Туман впереди стал темнеть, и в умирающей дымке прямо на нас грозно наплывал Остров! Весь покрытый зеленью, абсолютно весь, как в песне Андрея Миронова.

Не успели мы ступить на берег, вокруг нашей пестрой толпы, как шакалы у стада овец, стали бродить бесформенные синие люди – именно бесформенные, так как формы как та-

ковой на них не было – без головных уборов, без голубых воротников, в чудовищно заношенных робах и ботинках. Лица их были злы, в нас тыкали пальцами, одергивали, требовали закурить, спрашивали чего-нибудь из еды. Наш провожатый – прапор с тремя звездочками, вернее, по-морскому, старший мичман, крикнул им, чтоб разошлись. Он скомандовал нам “ровняйсь-смирно-направо-шагом марш!” и повел по извилистой тропе мимо сетчатого забора к строению из красного кирпича с трубой.

Помимо нашей группы “москвичей” с парома на берег сошли еще несколько таких же групп ребят из Средней Азии. Их повели дальше, а мы столпились на площадке возле бани – так было написано на табличке с якорем справа от входной двери. Вышедший к нам матрос сказал, что будем мыться и что все личные вещи, а именно бритвы, щетки, мыло, пасту, ручки, расчески разрешается взять с собой. Остальное – верхняя одежда, в том числе белье – трусы, носки, майки – подлежит уничтожению, но если кто-то хочет, может отправить это домой посылкой. Желаящим тут же выдали холстину, нитки с иглами и химические карандаши для написания домашнего адреса. Многие начали рвать одежду на себе, потом друг на друге, чтоб “не досталась врагу”.

Это напоминало безумие. Кто-то подбежал ко мне, рванул за рукав куртки, и он с треском отделился, повиснув до земли.

Напротив входа возвышалась еще одна стена, часть старо-

го забора, между кирпичами которой темнели глубокие толстые щели – все как по команде стали пихать туда все, что не разрешалось оставить – курево, спички, зажигалки, конфеты, кто-то даже засунул деньги. Никто не обратил внимания на двух человек, стоявших неподалеку под деревом, вертевших в руках тонкие прутья...

Нас запустили в предбанник с кафельным полом, построили, пересчитали и отправили в помывочный зал. За слепыми окнами бани, выложенными из стеклоблоков, уже сгущалась южная темнота. Русский остров расположен на широте Крыма, и сумерки наступали мгновенно, словно кто-то тушил свет. Мы разделись и сложили гражданку кучками на полу в раздевалке. У меня на шее болталась белая веревочка – завязка от косички моей подружки.

– Чего это там у тебя за удавка болтается? – строго спросил мичман. – Снимай, не положено!

Деваться некуда, пришлось снять и положить на стол дорогую реликвию.

Мной овладело веселье, когда я сидел в маленькой шайке с теплой водой и терся огромной мочалкой в мыльной пене. Вокруг орала, пели песни, я тоже что-то орал. Обряд смывания с себя гражданской пыли походил на буйную оргию, нам как будто специально дали расслабиться, оставив здесь на полчаса!

Мой кореш Ворона не нашел себе шайку и сидел на каменном топчане сутулый, голенастый, с тоненькими руками

и шей. Его носатый вороний профиль действительно напоминал пресловутую птицу. Покатый лоб собрался складками над черными пушистыми бровями. Кадык ходил вверх-вниз от обиды, и я выручил его, отдав свой тазик.

– На выход! – услышали мы через несколько минут команду из открывшейся в предбанник двери. Сквозь пар мы увидели лучистый силуэт нашего мичмана в фуражке. Краны с хлопаньем и сопением втянули воду, тела, белеющие в водяном пару незагоревшими местами, подались к двери. Я вышел предпоследний, перед Вороной. Мы разместились вдоль стен коридора, сев на корточки и ожидая, когда командир выкрикнет фамилию, прикажет встать, оценит рост и плотность телосложения, спросит размер ноги и головы. Тогда мы подходили к столу и получали на руки новенькую форму, похожую на заводскую спецовку, тельняшку(настоящую!), голубой воротник – гюйс, бескозырку, ленточку. В конце выдачи каждому из нас кинули черные ботинки, связанные длинными шнурками. Я сразу вспомнил физкультуру на лыжах – запах обуви был точно такой же, как у черных лыжных ботинок. Форма пришлась впору – приятный вязаный тельник с запахом хлопка, ремень с якорем на бляхе! Брюки не имели ширинки, а застегивались на боках. Неумелыми движениями мы вправляли ленточки с золотыми буквами ”Тихоокеанский флот” в околыши бескозырок. Нам выдали еще и пилотки из черной фланели.

Нас повели в казарму. Стояла черная звездная ночь, во-

круг не было ни огня, ни света окна – все спали. Наш мичман светил впереди себя фонариком, мы поднимались вверх по асфальтированной дорожке, потом по тропе, потом снова по асфальту. Подъезд кирпичного дома. Мы поднялись наверх, на третий этаж, дневальный отдал честь, и мичман провел нас через длинное помещение в Ленинскую комнату. Мы расселись как в школе за парты по двое, заняв всю комнату. Мичман поставил на стол банку с жидкой хлоркой и коробок спичек и велел всем подписать свою одежду. Покурив в окно, он ушел, и больше мы его не видели. Зато появился другой персонаж.

6

Его выход на сцену надолго запомнился нам, ожидавшим всего что угодно, только не этого. Открылась обитая тонкой светлой рейкой дверь, и через ее проем протекло то, что в нормальной ситуации именовалось старшиной первой статьи Воробьевым или просто Воробьем. А сейчас это был невысокий чубастый толстяк в выгоревшей робе, просторной, как дзюдоистское кимоно, с темными усами, по-сомовьи лежащими на белой трубочке из тетрадного листа. Трубочка другим концом уходила в надутый целлофановый пакет, на дне которого серела неизвестная жидкость. Не отрывая рот от трубки, он прошел к трибуне с гербом СССР, уложил на нее локти и замер минуты на две, уставившись округленными

остекленевшими глазами в пустоту между трибуной и первым рядом столов. Мы молчали, пока с заднего ряда не доносилось:

– А это что за чучело?!

Все оглянулись – говорил Смирнов, тот высокий парень с огромной выпуклой родинкой на лбу, который прицепился к нам в самолете. Комнату заполнил дружный хохот, который продолжался до тех пор, пока одурманенный токсичными парами мозг старшины не осознал услышанное.

Усы оторвались от трубки, и мы услышали хриплый фальцет:

– Что? Кто это сказал?

Шатаясь, с пакетом в руке, моряк двинулся было к нам, но дверь снова открылась, и к Воробью подошел другой старшина, но уже второй статьи, и вытолкал его вон. Вернувшись, он поправил гюйс и скомандовал:

– Встать!

Мы медленно поднялись со стульев.

– Смирно! Я ваш командир взвода старшина второй статьи Владимирский. Вольно. Сесть.

Мы сели.

– Завтра познакомимся на утренней поверке. А сейчас – пять минут на отбой. Ваши койки первые четыре ряда от стены. Отбой!

Мы вышли в темное помещение роты, где раздавался сап и храп спящих. Фиолетовый дежурный огонек одиноко

светил над входом, выхватив сегмент циферблата корабельных часов, стрелки которых показывали половину третьего. Я разделся, сложил форму стопкой на тумбочке сбоку от шконки и запрыгнул на верхний ярус. Внизу долго ворочался, раскачивая меня, Ворона.

В первую ночь на острове мне приснился морской аквариум с коралловыми рыбками. Одна из рыбок плавала с бумажной трубочкой во рту и вращала круглыми глупыми глазами.

– Р-р-ротэ-а-а-а!...Подъем!!! – сквозь сон услышал я горланый крик дежурного по роте и, откинув одеяло, сел на шконке, оглядывая окружавшую меня суматоху – вокруг спрыгивали, толкались, суетились голые тела. Прямо под мной поплавок маячила колючая макушка Вороны, который никак не мог запрыгнуть в брюки. Тут же к нашей койке подошел Владимирский и скомандовал отбой. Я лег, накрывшись одеялом.

– Подъем!

“Началось”, подумал я и спрыгнул сверху, попав ногой своему соседу по затылку.

– Отбой!

Мы снова лежали. Краем глаза я увидел, что в роте остался только наш взвод, остальные уже выбежали. Вдогонку последним голым телам летела деревянная табуретка, с грохотом покотившаяся по полу.

– Алё, дрищи, ваш подъем через два часа! – уже спокой-

нее сказал комвзвода, и мы остались лежать, осмысливая его обидное обращение. Попугал немного, а мог бы и дать поспать – спали мы от силы часа три...

...– Взвод!...Подъем!!! – казалось, что прошло всего несколько минут, а не обещанных два часа сна. Рота была уже как живой муравейник, наполненный синими муравьями.

Соскочив сверху, я кинулся к своей табуретке, на которой ночью оставил форму, и опешил – это была не моя одежда!

– Друг, ты ничего не перепутал? – спросил я Воронина, но он тоже стоял и озадаченно вертел вокруг пояса брюки – они были в два обхвата его худой талии. Я стал натягивать изрядно поношенные штаны. Рука инстинктивно искала ширинку. Я застегнул пояс на боку. Края штанин еле доходили до щиколоток. Мой новенький тельник превратился в грязное полосатое платье почти до колен, с длинными рукавами и дырками на спине. Рукава голландки не закрывали запястий, застиранный бледно-голубой гюйс бурел широкой полосой чужой грязи. Новыми остались только ботинки-“прогары” сорокового, редкого, маленького размера, и беска.

– Стройся на центральном проходе! – командовал Владимирский.

Мы вышли на ЦП. Некоторым повезло – их нетронутые формы темнели на фоне остальных, лоснящихся от грязи, белесых, мятых и безразмерных.

– Ровняйся! Смирно!...Вольно!

Старшина ходил вдоль строя и разглядывал нас, одергивая и поправляя многочисленные изъяны.

– Да, ну вы и уроды... – проговорил он, отойдя на два шага. Мы захмыкали и закашляли.

– Товарищ сержант... разрешите обратиться! – выкрикнул самый маленький в нашем строю.

– Шаг вперед! Не сержант, это у сапогов сержанты, а старшина. Фамилия?

– Кропалёв!

– Кропаль, значит, – старшина, сам невысокого роста, глядел на молодого бойца сверху вниз. – Наряд на камбуз!... Не слышу?

Это означало, что Кропалев должен был ответить: “Есть” и так далее, но он только смотрел на старшину своими серыми глазами с густыми черными ресницами. На его горбоносом лице было полное непонимание своей вины.

– Два наряда! Встать в строй. Еще есть вопросы?

– Никак нет! – ответили мы вразнобой.

Владимирский раскрыл тетрадку и начал перекличку. После ее завершения мы были разбиты на отделения по пять человек, над каждым был назначен командир отделения. До завтрака оставалось минут пятнадцать, и Владимирский разрешил нам разойтись заправить шконки и умыться.

Завтракали мы в учебном камбузе, находящемся в нашей казарме на первом этаже. Все сделали два открытия – еда была не такая уж и невкусная, как ожидалось, и ее было очень мало. Каждый стол был рассчитан на десять человек. Нас ждали по полпорции овсянки на воде и по полстакана чаю. Кроме того, на середине стояли две тарелки с десятью кусочками белого хлеба, за тонкость которого, видимо, отвечал сам командир части перед кем-то еще вышестоящим, и десятью кусочками, точнее, колесиками масла. Инструмент, которым создавались эти тридцатиграммовые кусочки масла, я увидел потом, попав в наряд по камбузу – это был железной ободок на длинной ручке.

После завтрака, столпившись на плацу возле казармы, мы обсуждали случившееся ночью. Кто-то здесь же начал меняться формой, чтобы хоть как-то подогнать ее под свои размеры. Я твердо решил найти свою одежду. Дело было в том, сразу после бани я расковырял шов на поясе штанов и сунул туда сложенную полоской десятку. Как это сделать, я еще не придумал, но, скорее всего, мой размер 48-5 не такой уж и распространенный, да к тому же новую форму от старой отличить можно без труда.

– Алё, воины! – раздался знакомый голос, и мы умолкли и повернулись к подошедшему Воробьеву.

– Что у вас тут за порнография! Становись!

Никто не тронулся с места.

– Вы чё, слоны, совсем оборзели?! – крик Воробья сорвал-

ся на визг. С выпученными глазами он кинулся к первому, кто ему попался на пути и с разбегу ударил его ногой в живот. Это был Ворона, который, переломившись пополам, полетел в гущу товарищей и опрокинул еще двух человек. Воробей уже замахнулся на следующего – это был Смирнов, автор вчерашней неосторожной фразы. Воробей задержал руку на взлете и прищурил глаза. Что-то блеснуло в них. Я подумал, что Смирнов пропал!

– Та-а-ак! Становись!

Мы выстроились в две шеренги. Воробьева был хмур, как грозное небо.

– Кто-то вчера мне что-то сказал, – Воробей шел вдоль строя от самого высокого Смирнова к самому маленькому Кропалеву. Наши лица оставались непроницаемы, хотя справа над Вороной поселила в нас неуверенность, и нам было непонятно, что делать, как реагировать, бежать к командиру, защищаться самим или просто бездействовать. Лычки на погонах Воробья давали ему право командовать, но не давали право избивать. Воробей, чувствуя нашу нерешительность, почувствовал себя главнокомандующим и, выпятив грудь, ходил, шаркая подошвами своих хромовых ботинок, вглядываясь в лица. Наконец, он становился около Смирнова.

– Ты?

Смирнов ухмыльнулся.

– Не я!

Ворона стоял рядом со Смирновым, сутулясь.

– Ты! – подошел Воробей к нему, и тут я не выдержал.

– Я!

Воробей обернулся – я стоял четвертым. Все тоже обернулись и смотрели на меня с удивлением. Даже Смирнов.

– Фамилия!

– Гаранин.

– Упор лежачий!

Я уперся руками в асфальт. Воробьев поставил ногу мне на лопатки и надавил.

– Делай раз! Делай два! – я выпрямил руки. – Делай раз!

Когда я снова выпрямлял руки, старшина поддавливал меня ногой. После двадцати отжиманий я по команде Воробья встал, и он пощупал мою руку выше локтя.

– Не ты, не гони! Ладно, дрищи, разойдись!

Меня окружили ребята, хлопали по плечу, Смирнов сказал:

– За мной зачтется.

Оклемавшийся после удара Ворона пожал мне руку.

– А ну, покажи! – Смирнов задрал голландку Вороны. – Ого, вот это синячара!

– Ничего, пройдет! – сказал я, глядя на огромный багровый след на его худом животе.

– Что тут за порнография?! – теперь это был уже наш ком-взвод.

– Стройся! Равняйся! Смирно! Ну что тут у вас произо-

шло?

– Ничего, товарищ старшина второй статьи! – ответили несколько голосов.

– Налево! Шагом марш!

Наш взвод двинулся к пустырю, где росли кусты высокой травы – полыни или пижмы. Нарвав веников, время до обеда мы провели, подметая территорию и плац возле казармы.

После обеда, который мы приговорили за считанные минуты, Владимирский отвел нас в учебный класс в двухэтажный корпус справа от казармы и исчез. На стенах висели плакаты, содержание которых вселяло в нас доброе и вечное – схемы разделки говядины, свинины, продовольственные нормы для плавсостава, нормы вещевого довольствия для матросов и офицеров. Насмотревшись и обсудив увиденное, сделав акцент на нормах питания подводников, коим полагалось даже вино, мы постепенно затихли, осоловели и улеглись спать на партах и стульях, отправив дежурить за дверь Кропаля.

В четыре десять, стоявший на “вассере”* Кропалев тихо отворил дверь и просипел:

– Подъем!

Мы тут же загрели столы и стулья и через несколько секунд сидели по местам. В кабинет вошла в сопровождении Владимирского слишком ярко для военных окрашенная женщина восточного типа с погонями старшего лейтенанта. Владимирский топтался у нее за спиной. Мы зашушу-

кались, забыв встать.

– Владимирский, что за бардак? – крикнула она резко, и мы, опомнившись, вскочили с мест.

– Отставить! – скомандовала старший лейтенант.

Мы с шумом сели.

– Встать!

Мы встали.

– Здравствуйтесь товарищи матросы!

– Здравия желаем, товарищ старший лейтенант! – проорали мы что есть силы.

Женщина поморщила носик. Густо подведенные глаза ее были черными, как угли.

– Вольно, садитесь. Старшина, ты тоже садись. Итак, я у вас буду преподавать товароведение. Старшина вам раздаст тетради и ручки. Время занятий – вторник и четверг, с 10-00 до 12-00 и с 14-00 до 16-00 соответственно. Вопросы есть?

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться! – сказал Колесов, здоровяк с наглым лицом.

– Во-первых, встать! – Женщина чеканила каждое слово. Небольшой акцент делал ее речь еще более неприятной. –

Во-вторых, почему не брит?

– Станок украли, товарищ старший лейтенант. А как вас зовут?

Все захихикали, а Владимирский покраснел, как рак.

– Венера Ахмедовна. Но обращаться ко мне вы будете по уставу. Еще вопросы?

– Никак нет! – ответили мы хором.

Венера посмотрела на нас более благосклонно, и Владимирский даже как-то подрос.

– До свидания товарищи матросы! – сказала она на этот раз спокойнее.

Мы снова вскочили с мест и прокричали:

– До свидания, товарищ старший лейтенант!

На этом наше первое занятие было закончено. Когда Венера ушла, Владимирский, немного замявшись, поправил ремень и сказал: ”Вольно, сесть!..Я щас!”, и скрылся следом.

Мы загудели.

– Видал, какая! – басил Колесов, показывая руками округлости. – Наш-то Владимир, как пацан покраснел. Чего-то здесь не то, наверное он того...

– Накрашена как б...дь! – возразил ему Смирнов. – Тоже мне, Венера Милосская!

Мы засмеялись.

– Да ладно, – не унимался Колесов. – Тебе бы и такую сейчас.

– Мне бы пожрать! – парировал Смирнов, и его поддержало большинство.

До ужина оставалось еще почти два часа.

и людьми. В шесть часов подъем, заменявший физзарядку. Скачки под чередование команд “отбой-подъем” выгоняли из нас остатки сна. Затем по форме номер один – трусы, прогары, бегом на улицу, с неизменной табуреткой вслед. Короткая пробежка вдоль казармы до ближайших кустов “до ветру” и снова зарядка, но уже на плацу и под музыку Энио Мариконе. Эти киношные мелодии я возненавидел сразу и на всю жизнь. Потом завтрак, построение и развод в девять ноль-ноль и дальше – кому что до обеда. После ужина – свободное время до двадцати одного ноль-ноль.

В один из первых таких вечеров, проходя по центральному проходу мимо сидевших на шконках матросов-карасей, я обратил внимание на толстяка, форма которого была явно не его размера – рукава и штанины собирались гармошкой на его коротких конечностях. Голландка облежала бока, а брюки натягивались на толстых ляжках. Все остальные были одеты в поношенные робы, он же синел на их фоне, как спелая черника. ”Здоровый кабан!” – подумал я, почему-то решив, что на нем именно моя форма. Лицо его было круглым и рябым, копна светлых волос топорщилась на небольшой голове с оттопыренными ушами. Я представил себе его в единоборстве со мной – длинный и тонкий против маленького и толстого. Только бокс, никак не борьба. Странно, но ни на одном из карасей в роте я не видел новой формы. Куда же они дели нашу одежду?

Тем временем со второго своего дежурства по камбузу

явился Кропалев и принес в карманах белых гренок. Кропалев освоился среди коков, которые не опасались, что такой мелкий пацан сможет много съесть.

– Ну, как там? – спрашивали мы, хрустя сухарями.

– Нормалек! Наелся – во! – провел он ладонью вдоль щеи. – Котел мыл, там гороха с тушенкой на стенках осталось – килограмма два.

– Спать сегодня в коридоре будешь! – пошутил Колесов. – Мог бы и братанам принести!

Кропалев пожал плечами и улизнул в темноту между шконками. Приближался выпуск программы “Время”. Смотреть телевизор разрешалось только сорок минут, с девяти вечера. Обязательный просмотр новостей проходил под бдительным контролем командира роты капитан-лейтенанта Сайфутдинова. Это был мужчина на вид лет сорока, с кудрявой рыжей бородой и усами, с брюшком и красным добродушным лицом. В девять тридцать он подозвал Владимирского, обсудил что-то и незаметно исчез. Последние десять минут – спорт и погода – были самыми интересными. Сначала все оживали, услышав результаты нового тура чемпионата по футболу, а потом с не меньшим вниманием глядели на родные регионы на карте метеопрогноза. Телек выключили, “каплей” так же незаметно появился и объявил построение. Загремели табуретки, и все рота выстроилась на ЦП. Старшина роты отрапортовал, и началась вечерняя переключка.

Через пятнадцать минут мы уже лежали в койках в пол-

ной темноте. Я не спал. Задрав голову, я наблюдал за Владимирским, который прохаживался между рядов шконок и щипал по очереди всех лежавших на верхних ярусах. “Какое странное занятие, он что, голубой?” – подумал я. Новобранцы реагировали одинаково – ржали и дергались под одеялом, явно подыгрывая старшине. Наконец он подошел ко мне. Я подоткнул одеяло и смотрел на него в упор.

– Отбой! – прошипел Владимирский, и я опустил голову на жидкую подушку. Рука старшины пролезла под одеяло, я не шевельнулся. Его пальцы стиснули кожу на моей икре, я промолчал и не двинул ногой.

– Что, не больно? – и он сильнее сжал и крутанул пальцы. Я терпел.

– Молоток! – одобрил Владимирский и громко хлопнул меня по животу.

Тишина вокруг рассыпалась смешками.

– Владимирский, давай отбой! – раздался из другого конца роты хриплый голос с акцентом. Это был Гарба, кавказец, старшина роты, человек с лицом мавра, только посветлее.

Я подождал еще несколько минут. Когда скрипение пружин стихло, и помещение роты наполнилось сопением и храпом, я спустился на пол. Присев, я пролез к табуретке и взял форму. Ползком я добрался до шконки толстяка и поменял стопки местами. Я быстро нащупал в поясе брюк уплотнение – свою десятку. Подозрения оправдались – он украл мою форму.

Утром произошло то, что и должно было произойти. После зарядки, когда все оделись, командир взвода подошел ко мне, даже присвистнув от удивления.

– Где это ты отоварился?

– Моя форма, товарищ старшина.

– Ты что, матрос, отнял форму у Пузыря? – старшина захохотал. – Джембул, иди сюда! Мой слоняра у твоего караса форму стащил!

Джембул Гарба появился в сопровождении маленького рыжего стармоса, своего земляка, и Пузыря, который был еще в трусах. Гарба походил на древнего грека – его внушительную фигуру покрывала белая простыня, перекинутая через плечо. Выпучив и без того большие глаза, старшина спросил:

– Фамилия?

– Гаранин.

– Пузир, форма твой? – голос Гарбы гудел на всю роту.

– Моя, Джембульчик! – поспешно подтвердил толстяк.

Я покраснел от негодования.

– Где взял? – рыжий абхазец ткнул меня в плечо.

Я огляделся по сторонам – вокруг уже собралась толпа.

– Что мольчишь?

– Эта форма моя. Вот, подписано! – я отстегнул клапан штанов и показал надпись, сделанную хлоркой.

– Твой? – удивился Гарба и повернулся к Пузырю.

– М-ммм, – промычал он и злобно посмотрел мне в гла-

за. – Нет, моя у меня, Джамбульчик.

Гарба хмыкнул и прошел мимо расступившейся стены зрителей. Зрелища не произошло. Пузырь, погрозив мне кулаком, поплелся восвояси. Я услышал гул одобрения. Я второй раз удивил своих товарищей, но больше всего я поразил нашего комвзвода, который подошел ко мне и шепнул на ухо:

– Ты попал, дрищенко!

Началась утренняя приборка. Первая, в которой мы приняли участие, учебная, можно сказать. Мытье палубы по-морскому я видел только в кино. Налил воды и драишь палубу шваброй! Нам же никаких швабр не полагалось. Каждый матрос получал в руки ветошь – кусок половой тряпки. В нескольких ведрах размешивали мыльную стружку, затем пенную воду разливали по полу методом протяжки. То есть, ты берешь за два кончика грязный прямоугольник ветоши, опускаешь его в ведро и, положив на пол, пятишься с ним на корточках метров пять-шесть, потом повторяешь это снова и снова, пока вся палуба не покроется слоем мыльной воды. Затем той же тряпкой ты собираешь воду, двигаясь так же, задом-наперед, растопырив руки с тряпкой. Командующий уборкой дежурный по роте устраивал гонки – в ряд становились несколько человек и стартовали по его команде. Некоторые падали, поскользнувшись, под хохот карасей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.